Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 57
Warszawa 2022
Article No. 2836

Citation:

Руденка, А. (2022). Пути проникновения лексических богемизмов в старорусский язык в XIV–XVII вв. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej, 57,* Article 2836. https://doi.org/10.11649/sfps.2836

Rudenka, A. (2022). Puti proniknoveniia leksicheskikh bogemizmov v starorusskiĭ iazyk v XIV–XVII vv. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, *57,* Article 2836. https://doi.org/10.11649/sfps.2836

DOI: 10.11649/sfps.2836

Алена Руденка
(Институт славистики Польской академии наук, Варшава)

Пути проникновения лексических богемизмов в старорусский язык в XIV–XVII вв.

Вопрос о чешском лексическом влиянии на старорусский язык в XIV–XVII вв. ставится редко, поскольку это влияние, во-первых, не столь очевидно, как, например, церковнославянское, а во-вторых, оно опосредованное. В XIV–XVII вв. оно опосредовано польским языком и/или про́стой мовой – восточнославянским языком Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского[1]. Цель статьи – показать,

[1] В русском языке используются разные написания названия племени *жамойты* / *жема́йты* / *жямайты* / *жмудь* / *жмудины* («Жемайты», б.г.) и образованного от него прилагательного в составе названия *Великое Княжество Литовское, Русское, Жамойтское и иных* («Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское», б.г.). Согласно А. Кравцевичу, название *Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское* отражает три основные территориальные составляющие государства, а очередность их перечисления – хронологический порядок присоединения Литвы (состояла из Новогородчины, Гродненщины, Виленщины и западной части Минщины), Руси (т. е. Белорусского Подвинья, Поднепровья, Полесья) в XIII–XIV вв., Жамойти – в XV в. Под определение *Русское* подпадали также украинские земли, присоединенные в XIV в. (Краўцэвіч, 2013, с. 7). Сокращенный вариант названия – *Великое Княжество Литовское* (ВКЛ).

This is an Open Access article distributed under the terms of the Creative Commons Attribution 3.0 PL License (creativecommons.org/licenses/by/3.0/pl/), which permits redistribution, commercial and non-commercial, provided that the article is properly cited. © The Author(s) 2022.
Publisher: Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences
[Wydawca: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk]

что лексические богемизмы не могли появиться в старорусском языке в XIV–XVII вв. иначе, чем при посредничестве про́стой мовы, и определить пути этого посредничества.

Основным источником проникновения богемизмов в памятники письменности общевосточнославянского языка[2] была переводная литература.

Начало духовной и религиозной связи между чехами и восточными славянами было положено еще во время миссии Кирилла и Мефодия (и религиозно-просветительской, и переводческой) в Моравском княжестве. Культовые христианские тексты на церковнославянском языке происходили не только из болгарских и македонских культурно-религиозных центров, но и из чешско-моравских. Об этом писал, в частности, Р. Якобсон, указывая на древние тесные связи Чехии и восточнославянских княжеств:

> Историческая наука обнаруживает новые признаки интенсивных чешско-русских отношений в X–XI веках. В дополнение к связи между Прагой и Киевом, чешские связи с Новгородом становятся все более очевидными. Чтобы показать, сколько чешских литературных памятников, написанных на церковнославянском языке, было принято на Руси, приведу лишь несколько примеров. Из сохранившихся церковнославянских житий чешского происхождения о первоучителях Кирилле и Мефодии, о св. Людмиле и о св. Вацлаве все известны в русских списках, и большинство только в русских (Житие св. Мефодия, св. Людмилы; второе Житие св. Вацлава). Чешская агиографическая традиция оказала непосредственное влияние на русскую. Преимущественно только в русских списках сохранились следующие переводы с латыни на церковнославянский язык чешской редакции: помимо вышеупомянутого Жития св. Вацлава, несомненно, Житие св. Вита, Гомилии Григория Великого, возможно, и Правила Бонифация (Jakobson, 1938, сс. 227–228; перевод наш. – А. Р.).

В это время в книжно-письменный общевосточнославянский язык вошли лексемы *вароватисѧ*, *гризь*, *древле*, *жидъ*, *законьникъ*, *крижма*, *лакота*, *малъжена*, *оплатъкъ*, *папежь*, *роугота*, *снага* и др. (Алексяевіч, 2020, с. 38; Львов, 1968), из которых в современном русском остались – с измененной коннотацией или семантикой – только *жид* и *законник*. Среди таких лексем с очень ранней фиксацией были единицы, заимствованные

[2] Термин «общевосточнославянский язык» синонимичен наименованию «древнерусский язык» – язык восточных славян в период примерно с VII–VIII по XIV вв., являющийся общим предком беларусского, русского и украинского языков. (О написании прилагательного беларусский см. Примечание 3).

через чешский язык (зачастую также польский), например *крыжъ* – из латинского через романский (Machek, 1957, с. 302), *папежъ* – из латинского через древневерхненемецкий (Machek, 1957, с. 433). Они считаются ранними моравизмами, вошедшими в общевосточнославянский язык через церковнославянский в самый ранний период восточнославянской письменности.

В XIV веке среди восточнославянских государств набирает силу Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское. Великое Княжество Литовское (ВКЛ) возникло на территории современного беларусского[3] Понеманья (историческая Литва). В 30–40-х гг. XIII в. Новогородское (Новогородок – современный беларусский город Новогрудок) княжество во главе с первым князем Миндовгом стало быстро расти, присоединяя земли окрестных балтских и славянских княжеств. Быстрой консолидации славянских земель вокруг Новогородка способствовала угроза нашествия рыцарских орденов и орд Батыя. К XIV в. Великое Княжество Литовское стало самым большим восточнославянским государством.

Несколько слов о языках Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского. Вяч. Вс. Иванов в докладе на XIII съезде славистов очертил круг языков Великого княжества Литовского максимально широко (Иванов, 2003, сс. 259–280). Из славянских языков, употреблявшихся на территории ВКЛ, релевантными для нашего исследования являются «руський», или рутенский (про́ста мова), с развившимися позже беларусским и украинским вариантами, церковнославянский и польский языки.

Письменно-литературным и официальным языком Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского в XIV–XVII вв. был язык, в то время называвшийся *руським*, или *про́стой мовой*, который впоследствии именовался по-разному: старобеларусский, староукраинский, западнорусский и др., – предшественник беларусского и украинского языков.

За названием *руський язык* во времена расцвета ВКЛ стояли три разных языка: церковнославянский, упомянутая выше *про́ста мова* и старорусский – предшественник современного русского языка. В случае настоятельной необходимости их различать современники прибегали к дополнительным дефинициям: книжно-русский, литовско-русский, московско-русский.

[3] В статье используется написание *беларусский* для сохранения в прилагательном единства с написанием существительного – названия страны *Беларусь*.

С XIV в. в Чехии широко распространяются памятники письменности на чешском языке. В это время характер взаимодействия чешского и восточнославянских языков изменился. А. Алексеевич, защитившая в 2020 г. диссертацию по теме «Традиция чешского языка в Беларуси на неславянском фоне: старобеларусский период», справедливо отмечает:

> Не случайно чешская лексика проникала именно в старобеларусскую (также и в староукраинскую) литературу. Великокняжеские земли находились на стыке западной и восточнославянской культур. Кроме того, тесные связи с польским языком способствовали расширению и освоению в украинской и беларусской письменности западноевропейского, в том числе чешского, литературного наследия (Алексяевіч, 2020, с. 38; перевод наш. – А. Р.).

В XIV–XVII вв. богемизмы проникали в старорусский язык при посредничестве про́стой мовы и/или польского языка через переводную литературу. Р. Якобсон пишет:

> Чешская словесная культура готического периода уже с XV в., если не раньше, начинает оказывать интенсивное влияние на русскую образованную прослойку литовско-русского государства… Чешское влияние прослеживается в развитии двух вновь возникающих литературных диалектов – польского и чуть более древнего западнорусского. Лишь в XVII – нач. XVIII вв. элементы культурной лексики чешского языка периода готики проникают в литературный язык Московской Руси и отчасти в московскую разговорную речь. Эти богемизмы привносятся, с одной стороны, поляками, влияние которых значительно возрастает в конце династии Рюриковичей и особенно во время оккупации Москвы, с другой стороны, украинской и белорусской интеллигенцией, иммигрировавшей в Москву и игравшей там важную роль (Jakobson, 1938, с. 228; перевод наш. – А. Р.).

Речь идет о переводных текстах разных стилей и жанров. Если говорить о «высоком» стиле (это религиозные тексты), то достаточно вспомнить, что восточнославянский первопечатник Ф. Скорина переводил Библию с чешского языка. Ф. Скорина попытался изложить Библию на живом языке Великого княжества Литовского – про́стой мове, в то время как в Московской Руси еще долго не отказывались от церковнославянского. Есть *Слоўнік мовы Скарыны* (СМС, 1977–1994) и есть работы, посвященные богемизмам в его переводах (Булыка и др., 1990; Владимиров, 1888; Грищенко, 2021; Журавский, 1979; Жураўскі, 1968; Кожынава & Суркова, б.г.; Станковска, 2016; Florovskij, 1940–1946/1988 и др.). Из чешских лексем, встречавшихся в переводах Ф. Скорины, в современном беларусском

и тем более современном русском языке почти ничего не сохранилось. Например, ст.-бел. *злобивый* ‘прил. к *злоба*. Капризный’, зафиксированное в изданиях Ф. Скорины (*Лучши есть жити въ земли пустои, нежели съ женою сварливою и злобивою* (СМС, 1977–1984, т. 1, с. 228) скорее всего, восходит к ст.-чеш. *zlobivý* ‘злобный’. В современном беларусском языке слово не сохранилось. Оно имеет аналог в старорусском языке – *злобивый*, но это собственное образование, употреблявшееся с XI в. в значениях ‘злобный, недоброжелательный’, ‘лукавый, коварный, связанный со злыми силами’ (СРЯ, 1975–2019, т. 6, с. 17).

Более устойчивы и сохранились в современном беларусском и русском языках лексемы, бытовавшие и в чешском, и в польском. На ранних этапах развития польский язык и его письменность были под сильным чешским влиянием, что привело к проникновению в него значительного числа богемизмов. Близкородственность и ареальная близость также обусловили взаимовлияние двух языков. В силу этого сложно отыскать богемизм в про́стой мове или старорусском языке, не зафиксированный в польском. Бывает сложно определить и происхождение старобеларусского или старорусского слова: богемизм или полонизм. Сходство лексем в чешском и польском языках в таких случаях может объясняться следующим образом:

- чешская и польская лексемы сходны в силу общего праславянского происхождения и сходных механизмов деривации;
- лексема образована от славянского корня в чешском языке и заимствована польским;
- лексема заимствована чешским языком и из него перешла в польский;
- лексема заимствована обоими языками из одного языка-источника.

Таким образом, польский язык мог принимать участие в проникновении богемизмов в восточнославянские языки или в качестве со-источника (при общем праславянском или иноязычном происхождении), или в качестве одного из этапов «движения лексемы на восток» – характер этого участия должен тщательно изучаться в каждом конкретном случае, но такое исследование за пределами задач данной статьи.

Среди чешских лексем, пришедших в старорусский, Р. Якобсон называет: *kómnata* ‘комната’, *nábožnyj* ‘набожный’, *smertéľnyj* ‘смертельный’, *spravedlivosť* ‘справедливость’, *duchovénstvo* ‘духовенство’, *právo* ‘закон’, *pravomóčnyj* ‘законный’, osóba ‘личность’, *obyvateľ* ‘житель’, *mestéčko*

‘городок’, *predméstje* ‘предместье, пригород’, *meščáne* ‘горожане’, *spósob* ‘способ, манера’ и др. (Jakobson, 1938, с. 229). Рассмотрим подробнее некоторые из названных лексем, зафиксированных и в старопольском[4] языке.

Согласно *Словарю русского языка XI–XVII вв.*, в старорусском языке слово *мѣщанинъ* употреблялось в значениях:

1. ‘В средневековом русском городе житель посада, слободы’. В этом значении слово встречается с XVI в., самое раннее употребление – 1514 г.

2. ‘В западнорусских, западнославянских, литовских городах (называвшихся *мѣсто*) – горожанин вообще, представитель торгово-ремесленной части населения города’. В этом значении слово употреблялось с конца XV в., самое ранее употребление – 1495 г., причем в «Памятниках дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским», где собраны документы с 1487 г. (СРЯ, 1975–2019, т. 9, сс. 143–144).

В *Материалах для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского приводятся более ранние контексты употребления лексемы *мѣщане* ‘жители места, города’; самый ранний документ – Жалованная грамота вел. кн. Александра-Витовта Литовскимъ Евреямъ 1388 г. (въ перепечаткѣ съ изд. «Zbiór praw litewskich») (Срезневский, 1893–1912, т. 2, сс. 103–109):

… черезъ посла нашого воеводы и тежъ черезъ мѣщанъ, которымъ колвекъ обычаемъ, таковыхъ имати не смѣли бъ. Жал. гр. 1388 г. (Срезневский, 1893–1912, т. 2, сс. 253–254). Характерно, что в этих ранних памятниках слово употребляется только во множественном числе, что согласуется с приведенной выше цитатой Р. О. Якобсона.

В старобеларусском языке слово *мещанинъ* имеет больше значений:

1. ‘Житель города’ (самое раннее употребление – в Вислицком статуте) (Статут Казимира Великого), созданном на основе польского традиционного права в 1346–1347 гг. и переведенном с латинского языка на прóсту мову между 1423–1434 гг.

2. ‘Житель (вообще), гражданин’ – впервые встречается в Лексиконе Берынды: *Гражданинъ: Мещанинъ* (Берында, 1627, с. 31).

---

[4] Определения «старопольский» (ст.-польск.) и «старочешский» (ст.-чеш.) в данной статье употребляются в максимально широком, нетерминологическом смысле: они называют до-современный период развития языков от начальных этапов до конца XVII в. Возможность такого употребления обусловлена: а) разными вариантами периодизации; б) другими целями статьи. В случае необходимости время развития того или иного языкового явления определялось точнее.

3. ‘Представитель мещанского сословия’ (самые ранние контексты также из Вислицкого статута) (ГСБМ, 1982–2017, т. 18, сс. 33–34).

В *Словнику староукраїнської мови XIV–XV ст.* приводятся более ранние контексты лексемы *мѣщанинъ* в значении ‘житель города’, в первую очередь записанный латиницей фрагмент того самого текста, который процитирован выше по *Материалам для словаря древнерусского языка* (Срезневский, 1893–1912, т. 2, сс. 253–254). Как известно, *Словник староукраїнської мови* так же, как и *Слоўнік старабеларускай мовы*, фиксирует лексику про́стой мовы, но из других текстов, как правило, относящихся к другим регионам и с другими диалектными чертами (ГСБМ, 1982–2017; ССМ, 1978–1979).

Процитированный выше документ интересен сам по себе. Он сохранился только в списках: на латинском языке, на про́стой мове (записан кириллицей) и на польском языке (см. Гудавичюс & Лазутка, 1993), причем в последнем случае язык документа – polszczyzna kresowa, то есть польский язык пограничья с очевидными восточнославянскими чертами (*korol*, а не *król* и др.), или даже про́ста мова, записанная латинкой, – тексты такого рода представляют континуум польских и восточнославянских черт (см. Руденко, 2019, 2020; Рудэнка, 2018). В кириллическом варианте за текстом закрепилось название «Жалованная грамота вел. кн. Александра-Витовта литовским евреям» 1388 г. – так он издан в Актах Западной России (Санкт-Петербург, 1846–1853 гг.). В латинографичном виде документ издан в Познани (*Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563*, 1841, с. 110) – «Potwerżenie korola i welikoho kniazia jeho miłosti Zikhimonta na nekotoroje członki abo artykuły żidowskije, kotoryje dany im za welikoho kniazia Witowta i za Olexandra korola jeho miłosti». Данный комментарий показывает, что в *Материалах для словаря древнерусского языка* И. И. Срезневского использован контекст на про́стой мове. Показательно, что документ, в котором фиксируется лексема *мещанинъ*, более ранний, чем памятники польского или чешского языков, в которых отмечены польский или чешский аналоги. В *Słowniku staropolskim* (SS) лексема *mieszczanin* не отмечена, но отмечена в *Słowniku etymologicznym języka polskiego* под 1400 г. (Boryś, 2005, с. 322), а в *Słowniku polszczyzny XVI wieku* фиксируется в значениях ‘житель города’, ‘житель (вообще) какого-л. места’, ‘земляк’ с многочисленными употреблениями (SP, б.г.). Самое раннее употребление ст.-чеш. *měšťěnín* ‘горожанин’ – это фрагмент из «Alexandreida», датируемый 1400 г. (ESSČ, б.г.).

Согласно ЭСБМ, бел. *мешчанін* < ст.-бел. (ст.-укр.) *мещанинъ* < ст.-польск. *mieszczanin*. Значение ‘обыватель’ беларусская лексема получила в советский период от русского *мещанин*» (ЭСБМ, 1978–2017, т. 7, с. 30). Вопреки мнению Р. Якобсона, ст.-рус. *мѣщанинъ* (< ст.-укр., ст.-бел. *мещанинъ*) заимствовано, скорее, из польского языка (см. Шанский и др., 1971, с. 265).

Для старорусского слова *обыватель* ‘житель определенной местности’ наиболее ранняя фиксация относится к XVII в.: *Се аз, Яковъ Петровъ мещанѣн и обывател<ь> Погарский, ведомо чиню сеею моею купъчою, же яз продал своего коня* 1671 (СРЯ, 1975–2019, т. 12, с. 210).

В старобеларусском языке лексема *обыватель*, помимо значения ‘житель определенной местности’ (первая фиксация – 1565 г.), употребляется с семантикой ‘гражданин’: *Законъ единъ будеть и судъ чужоземцу и обывателю земли* (ГСБМ, 1982–2017, т. 21, с. 319). Более широкая семантика, более ранние фиксации и большая употребительность – достаточное основание, чтобы считать слово пришедшим в старорусский язык при посредничестве старобеларусского. Современная же беларусская лексема *абывацель*, по мнению авторов *Этымалагічнага слоўніка беларускай мовы*, – это русизм (ЭСБМ, 1978–2017, т. 1, с. 64). Ст.-бел. *обыватель* < ст-польск. *obywatel*, *obywaciel* < ст-чеш. *obyvatel* ‘житель какой-л. местности’. Ст.-чеш. *obyvatel* впервые фиксируется под 1388 г. (ESSČ, б.г.), в то время как ст.-польск. – в XVI в. (Boryś, 2005, с. 378; SP, б.г.).

В беларусском языке сохранилось больше западнославянских слов, например, бел. *літаваць* ‘жалеть’ < ст.-бел. *литовати* < ст.-польск. *litować* / ст-чеш. *litovati* (ЭСБМ, 1978–2017, т. 6, с. 10). Западнославянские лексемы восходят к общеславянскому корню **l’utъ* с развитием *u* > *i*, более характерным для чешского языка, однако зафиксированным также и в польских диалектах (Boryś, 2005, сс. 289–290).

Житийная литература, переведенная в XIV–XVII вв. непосредственно с чешского языка («Сказания о Сивилле-пророчице») или при возможном посредничестве польского («Житие Алексея, человека Божия»), могла попасть в Московскую Русь только на про́стой мове, т. е. на официальном языке Великого княжества Литовского, Русского и Жамойтского.

Особенно распространены были в Московской Руси переводы светской литературы, сделанные на территории ВКЛ. «Руський язык» в большинстве случаев воспринимался как единый вне зависимости от страны (Московская Русь или Великое Княжество Литовское). В ВКЛ такие

переводы с чешского (при возможном польском посредничестве), как «Повесть о Таудале», «Троянская история», «Повесть Аполлона»[5] и мн. др., появлялись раньше: здесь больше было знающих чешский язык и доступнее были сами произведения; в целом переводная литература, особенно с западноевропейских языков и с латыни, была более распространена. Не было необходимости делать новые переводы на территории Московской Руси – в обиходе были списки уже существующих. Многие переводы светской литературы были сделаны в ВКЛ с чешских текстов – они изучались отдельно (см. Андел, 1988; Бразгуноў, 2006; Турилов, 2007; Verkholantsev, 2008).

Особняком стоят переводы текстов, которые квалифицируются и как научные, и как развлекательные. А. Бразгунов пишет: «Особую группу переводных памятников представляют собой разнообразные философские, астрологические, естественноисторические и гадательные сборники, по своим сюжетным, содержательным и идейным характеристикам часто очень близкие как к апокрифической, так и к светской беллетристической литературе: «Тайная Тайных», «Шестикрыл», «Логика», «Лопаточник», «Луцидарий» (Бразгуноў, 2006, с. 171; перевод наш. – А. Р.).

В числе наиболее популярных произведений было «Тайная Тайных» («Secreta Secretorum»), авторство которого приписывалось Аристотелю, учителю Александра Македонского. Первоначально это было арабское философское произведение, посвященное описанию характерных особенностей человека, в XIII в. оно было переведено на латинский язык. В XV в. в Кёльне появился и печатный вариант «Тайная Тайных», с которого вскоре были сделаны переводы на многие европейские языки, а в первой половине XVI в. – с чешского на про́сту мову (*«Тайная Тайных», или «Аристотелевы врата»*, б.г.).

В Национальной библиотеке Республики Беларусь хранится оригинал рукописного сборника (и его pdf-копия) конца XV – начала XVI вв., в котором собраны переводные тексты астрологической тематики, а также «Аристотелевы врата», или «Тайная тайных». В научном обиходе эта рукопись более известна как Виленский список «Тайная Тайных», названный так по месту предыдущего хранения – в Виленской публичной библиотеке (см. Ивашина & Руденко, 2016; Станкевич, б.г.).

[5] Полный обзор литературы, посвященной переводам со старочешского языка на про́сту мову, см. в Алексяевіч, 2020.

«Аристотелевы врата» запрещались церковью, так как были причислены к гадательной и еретической литературе, свидетельство чему можно найти в «Стоглаве»:

> Да в нашем же православии тяжутца нецыи ж неправо и поклепав крест целуют или образ святых, на поле бьются и кровь проливают и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научении пособие им творят: кудес бьют и во Аристотелевы врата и в Рафли смотрят и по звездам и по планидам гадают и смотрят дней и часов и теми дьяволскими действы мир прельщают и от Бога отлучают… (*Стоглав: Текст: Словоуказатель*, 2015, с. 41).

Тексты такого рода, как «Тайная тайных», были больше распространены и больше востребованы в Великом Княжестве Литовском, чем в Московской Руси, в силу ряда причин: поликонфессиональности ВКЛ и менее ортодоксальной православной традиции, мультиязычности, близости к Европе и европейской культуре. М. Н. Сперанский сравнил западноевропейские переводы «Тайная тайных», в частности латинский «Secretum Secretorum», со славянским и определил язык славянского перевода как «западнорусский»: «вся эта группа, а съ нею и «Тайная тайныхъ», объединяются и по языку перевода: всѣ перечисленные тексты несутъ ясные слѣды западно-русскаго говора» (Сперанский, 1908, с. 115). В тексте на про́стой мове есть польские, чешские, латинские, греческие, еврейские, церковнославянские и другие элементы. Славянская версия «Аристотелевых врат» делится на восемь книг, которые в свою очередь разделяются на главы, называемые вратами. Помимо достаточно известных и изданных «Аристотелевых врат» (**1**), в сборник вошел еще ряд переводных астрологических произведений, гораздо меньших по объему и неизученных:

2. “Предословие о поесех небесных. Что ся глаголют по еврейскому языку небеса. И о седми звездах великих. Иже ся наричаются планеты” – лл. 60 об. – 61 об.;
3. “О седми звездах великих яже ся наричаются планеты, о силе их и о ходу и о домех их” – лл. 61 об. – 66.;
4. “Мудрость великая буди без труда тобе ведомо” – л. 67;
5. “Сказание о седми звездах великих, и которыи ся зодеи которым звездам служат. Суббота” – лл. 67–71;
6. “Сказание о седмих планетах сиречь великих моцьных звездах” – лл. 71–73;
7. “Осени 12 звезды, што владеют к 12 частьям человеческим; ес межи ими штос слюбят а ес межи ими что ся гневают” – л. 73–73 об.;

8. “Початок часом в неделю от утра”– лл. 73 об. – 74;
9. “А коли хочешь ведат каждого человека звезду его прочти имя его и имя матери его мечи (так!) 9-ти и прочии”– л. 74–74 об.;
10. “Седмьсят планеты” – л. 74 об.;
11. “Помышляющю о какои любо вещи обрести” [“Лунник”] – лл. 74 об. – 77; текст с гадательно-астрологической таблицей – л. 78;
12. “Пут солнечный” – лл. 78 об. – 79 об.;
13. “Поучение луннику приведено от жидов[с]ких книг” [“Лунник”] – лл. 79 об. – 80 об.; текст с 4-мя гадательно-астрологическими таблицами – л. 81;
14. “Книга от Петра Египтенина, иже научают ся ведати неисходимаго плеча овец, занже проявляет знамение, что им надобет в разум вложити” [“Лопаточник”] – лл. 81 об. – 83 об.;
15. “Луна же прояви бог изральтяном во пустыни пророком Моисеом, соблюдая их от всякого зла” [“Лунник”] – лл. 83 об. – 89 об.;
16. “О знамени бывающих на челавецах” – л. 89 об. (без конца) (Станкевич, б.г.; см. об этих текстах также Ивашина, 2017, 2018).

Эта часть сборника еще не издавалась. Сборник, несмотря на плохую сохранность, очень красив. На полях статьи 5 “Сказание о седми звездах…” (лл. 67–71) нарисованы условные обозначения десяти знаков зодиака (Козерог, Водолей, Стрелец, Рыба, Лев, Весы, Телец, Дева, Близнецы, Рак), планет (Сатурн, Юпитер, Марс, Венера, Меркурий) и Луны.

Неопубликованные тексты очень увлекательны и порой напоминают современные иллюстрированные журналы. Например, в разделе *сказанїе w седми звездахъ великих* зодиакальные знаки персонифицируются и сами рассказывают о себе: *я тым козелїа* (Козерог), *водка* (Водолей), *стрелка* (Стрелец), *рыбка* (Рыба), *wвен добрыи боранъ* (Овен), *мадвдокъ* (Скорпион), *левъ кролъ звери* (Лев), *вакга часто важна* (Весы), *бычокъ* (Телец), *девечька сличнаго личка* (Дева), *датки* (Близнецы), *рачек* (Рак).

В неопубликованной части Виленского сборника немало лексем, по форме и семантике восходящих к чешским исходным словам: *пожитечныи* ‘полезный’ – ст.-чеш. *požitečný*, *прудки* ‘быстрый, шустрый’ – *prudký*, *уставичныи* ‘постоянный, непрестанный’ – *ustavičný*, *квапитися* ‘зариться, посягать’ – *kvapiti*, *трвати* ‘продолжаться, длиться’ – *trvati*, *зася* ‘а, но’ – *zasie*, *сличныи* ‘красивый, прекрасный’ – *sličný*, *лихота* ‘беда’ – *lichota* и др., – однако их аналоги есть и в старопольском языке. Детальное изучение исторических словарей и установление самых ранних случаев употребления каждой лексемы в польском и чешском языках

может помочь ответить на вопрос, в какой последовательности и при посредничестве каких языков слово распространялось. Нельзя забывать и о возможном общеславянском происхождении, как, например, в ст.-бел. *глезна* ‘косточка, щиколотка’ – ст.-чеш. *hlezno*, *hlezen* < праслав. **glezna* (ЭССЯ, 1974–2019, т. 6, с. 118); *лядви(е)* ‘ляжка, *бедро*’ – *ledvie* < праслав. **lędva* (ЭССЯ, 1974–2019, т. 15, сс. 48–49) и др. Некоторые из западнославянских лексем из Виленского сборника употребляются в современном беларусском языке (*квапіцца*, *трываць*, *ліхота*), однако в современном русском они не сохранились.

Последний вид переводных памятников, в которых обнаруживаются богемизмы, – это научные тексты, которых на про́стой мове было много. Они переводились с латыни, греческого, арабского, иврита, часто при посредничестве западноевропейских языков и, далее, чешского и/или польского. С чешского на про́сту мову в XVI в. несколько раз переводился Луцидарий (Lucidář) – «своеобразная средневековая энциклопедия в вопросах и ответах, переведенная с немецкого языка на чешский около 1400 г.» (Темчин, 2021a, сс. 185–186; 2021b; 2021c).

После очень сжатого представления стилей и жанров ранних переводов с чешского языка на про́сту мову можно обобщить пути проникновения богемизмов в восточнославянские языки в XIV–XVII вв.: что приходило в старорусский язык из чешского через про́сту мову Великого Княжества Литовского, Русского и Жамойтского, какими путями приходило и что осталось в современном русском и/или беларусском языках.

Представим такие пути в виде цепочек заимствования. Возможные варианты цепочек:

1. старочешский → проста мова → старорусский язык → современный русский язык
2. старочешский → проста мова → старорусский язык
3. старочешский → проста мова → современный беларусский язык
4. старочешский → проста мова.

Варианты 1. и 3., 2. и 3. могут сочетаться. Кроме того, в этом развитии часто принимал участие польский язык.

5. старочешский / старопольский → проста мова → старорусский язык → современный русский язык
6. старочешский / старопольский → проста мова → старорусский язык
7. старочешский / старопольский → проста мова → современный беларусский язык
8. старочешский / старопольский → проста мова

9. старочешский → старопольский → проста мова → старорусский язык → современный русский язык
10. старочешский → старопольский → проста мова → старорусский язык
11. старочешский → старопольский → проста мова → современный беларусский язык
12. старочешский → старопольский → проста мова
13. любой язык, чаще западноевропейский → варианты 1–12.

Приведем примеры некоторых цепочек.

8. старочешский / старопольский → проста мова: ст.-бел. *зачатокъ* < ст.-чеш. *začátek* / ст.-польск. *zaczątek* ‘начало’. Согласно *Гістарычнаму слоўніку беларускай мовы*, слово *зачатокъ* употреблялось в старобелорусском языке в двух значениях: 1. = *зачало* в 1-м значении. ‘Начальный, исходный пункт чего-л., что имеет продолжение, начало’; 2. = *зачало* в 4-м значении. ‘То, что является первым в каком-либо ряду (лиц, вещей, явлений)’. *Первотины суть и зачатки ѡт жертъвъ ихъ мирныхъ еже приносѧть гсду*); *дадуть жерцу плече и груди теже зачатки житъ олеѧ и вина и часть волны егда овце стригуть* (ГСБМ, 1982–2017, т. 11, сс. 265, 268). Во втором значении слово фиксируется только в текстах и переводах Франциска Скорины и отмечено в *Слоўніку мовы Скарыны* (СМС, 1977–1984, т. 1, с. 213). Это позволяет с уверенностью предположить, что по меньшей мере во втором значении лексема пришла из чешского языка.

В целом же ст.-бел. *зачатокъ* < ст.-чеш. *začátek* / ст.-польск. *zaczątek* – хороший пример сложностей при выяснении истории лексемы, образованной от общеславянского корня при помощи общеславянского же аффикса. Др.-рус. слово *зачатъкъ* / *зачѧтъкъ* фиксируется с XI в. и является независимым от рассмотренных выше дериватом (Срезневский, 1893–1912, т. 1, с. 958). В словаре *Elektronický slovník jazyka staroslověnského* (ESJS, б.г.) этого слова нет, т. е. древнерусское слово самостоятельно и не восходит к церковнославянскому источнику. В современном русском и в современном беларусском языках слово малоупотребительно.

5. старочешский / старопольский → проста мова → старорусский язык → современный русский язык и **7. старочешский / старопольский → проста мова → современный беларусский язык:** рус. *мещанин* ‘мещанин’ < ст.-рус. < ст.-бел. *мещанинъ* (> бел. *мешчанін* ‘мещанин’) < ст.-польск. *mieszczanin*, ст.-чеш. *měšťěnín* ‘горожанин’.

7. старочешский / старопольский → проста мова → современный беларусский язык: бел. *літаваць* < ст.-бел. *литовати* < ст.-польск. *lito-*

wać / ст-чеш. *litovati* ‘жалеть’; бел. *пас* < ст.-бел. *пасъ* < ст.-польск. *pas* / ст-чеш. *pás* ‘пояс, ремень’; бел. *пыха* < ст.-бел. *пыха* (ст.-польск. *pycha*, ст-чеш. *pych*, *pýcha*) ‘гордость, надменность’, бел. *радзіць* < ст.-бел. *радити* < ст.-польск. *radzić* / ст-чеш. *raditi*) ‘советовать’, бел. *твар* < ст.-бел. *тваръ* < ст.-польск. *twarz* / ст.-чеш. *tvář* ‘лицо’ и др.

9. ст.-чешский → ст.-польский → проста мова → старорусский язык → современный русский язык и **11. ст./ср.-чешский → ст.-польский → проста мова → современный беларусский язык:** рус. *обыватель* ‘обыватель’ < ст.-рус. < ст.-бел. *обыватель* (> бел. *абывацель* ‘обыватель’) < ст.-польск. *obywaciel*, *obywatel* < ст.-чеш. *obyvatel* ‘житель какой-л. местности’.

Анализ наполнения приведенных выше позиций показывает:

1) Крайне редки богемизмы в старорусском и/или современном русском языке, которых не было бы в про́стой мове и/или в современном беларусском языке: в старорусский язык слова чешского языка приходили через про́сту мову. Например, общеизвестное русское слово *франт* ‘щёголь’ < ст.-рус. < ст.-бел. *франтъ* < ст.-польск. *frant* < ст.-чеш. *franta* ‘шут, плут’ < имя собственное, сокращенное от *František* (Фасмер, 1986–1987, т. 4, с. 206).

2) В про́стой мове было значительно больше богемизмов, чем в старорусском языке. Часть из них сохранилась и в современном беларусском. Например, бел. *бавоўна* < ст.-бел. *баволна* < ст.-польск. *bawełna* < ст.-чеш. *bavlna* < нем. *Baumwolle* ‘шерсть’ (ЭСБМ, 1978–2017, т. 1, с. 260; Rejzek, 2015, с. 70) отсутствует в русском языке. К таким единицам относятся и упомянутые выше лексемы из Виленского сборника.

Ю. Верхоланцева пишет о переводе на про́сту мову «Песни Песней» и приводит много примеров, когда слово чешского происхождения дополняет западнорусский эквивалент: *перескакиваючи погорки и холмы* (Verkholantsev, 2008, с. 41). Существительное *пагорак* есть и в современном беларусском языке.

3) В про́стой мове было значительно больше богемизмов, чем в современном беларусском языке, например, ст.-бел. *хлюба*, *хлуба* ‘хвастовство, гонор, гордыня’, *хлюбити*, *хлюбить*, *хлюбитися*, *хлубитися*, *хлюбимuce* ‘хвастаться’ < ст.-польск. *chluba*, *chłuba*, *chlubić się*, *chłubić się* < ст.-чеш. *chlúba*, *chlubiti sě* < прасл. **хълbati* / *хълbiti* (ГСБМ, 1982–2017, сс. 36, 92–93). Это вызвано тем, что в XIV–XVII вв. многочисленные переводы на про́сту мову с чешского обеспечивали тесный контакт двух языков,

который, однако, и в то время часто был опосредован польским. Сегодня беларусский и чешский языки связаны менее тесно, контактируют реже и, как правило, при посредничестве польского.

4) Чешский язык выступал посредником и облегчал «транзит» заимствований западноевропейского происхождения в про́сту мову, как правило, при польском посредничестве. Таким образом, самым распространенным является следующий путь появления богемизмов в старорусском языке: **классический (западноевропейский) язык → ст.-чешский → ст.-польский → проста мова → старорусский язык**, например: *ванна*, *коминъ*, *комната*, *кухня*, *фалшъ* (из латыни через немецкий и далее – чешский и/или польский (Rejzek, 2015), также *грошъ* (Фасмер, 1986–1987, т. 1, с. 462); *школа* (из латыни через чешский и/или польский) (Фасмер, 1986–1987, т. 4, с. 449); *ринокъ* (из немецкого через чешский и польский) (Фасмер, 1986–1987, т. 3, с. 530) и мн. др. «Ст.-рус. *замокъ* < ст.-бел. *замокъ* ‘1. Укрепленное жилище феодала; 2. Резиденция короля; центр административной единицы; 3. Крепость, укрепленная часть города; 4. Место заключения, тюрьма’ < ст.-польск. *zamek* < ст.-чеш. *zámek* < нем. *Schloss* / *Schloß* (семантическая калька)» (Алексяевіч, 2020, с. 214). При этом в современном русском языке из старорусских богемизмов остались не все, ушли из употребления, например, *палацъ* ‘дворец’ и др. Многие из таких лексем употребляются в современном беларусском и украинском языках.

Ю. И. Мельников пишет: «Большинство чешских лексических элементов заимствовано русским из польского в XVI–XVII веках» (Мельников, 1967, с. 114). При этом очевидно, что автор не делает различия между «московско-руським» и «литовско-руським» = про́стой мовой. По словам А. Алексеевич,

> около 1/3 слов, отмеченных в старобеларусских и староукраинских письменных памятниках, не были зарегистрированы в старорусской письменности. Кроме того, в старорусском языке фиксация богемизмов наблюдается с опозданием примерно на столетие по сравнению с их старобеларусскими и староукраинскими аналогами, большая часть которых зафиксирована письменно в XV–XVI вв. Объяснение этому разрыву во времени следует видеть в посреднической роли старобелорусского и староукраинского языков, через которые в старорусский язык проникла часть западноевропейской лексики, в том числе и чешского происхождения (Алексяевіч, 2020, с. 114).

Взгляд на лексические богемизмы в старорусском языке XIV–XVII вв. со стороны языка-посредника, а именно про́стой мовы, выявил ряд проблем, связанных с историей слов в родственных языках. В виртуальной цепочке языков, к которым могло относиться то или иное слово в процессе заимствования в XIV–XVII вв. **(классический язык) → (западноевропейский язык) → ст.-чешский → (ст.-польский) → проста мова → старорусский язык** в скобки взяты возможные, но не обязательные этапы. В исследовании этого пути есть ряд сложностей: 1) разграничение лексем старорусского языка и про́стой мовы и установление времени их появления в каждом из языков; 2) определение языка, в котором появилась лексема: чешский или польский, – времени и способа ее появления (конкретные вопросы, с этим связанные, обозначены в начале статьи). Разрешение этих проблем и выявление закономерностей заимствования богемизмов старорусским языком XIV–XVII вв. возможно, если на первом этапе исследования воссоздана история каждой вовлеченной в это исследование лексемы.

Сокращения

ГСБМ – *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* (Жураўскі & Булыка, 1982–2017).
СМС – *Слоўнік мовы Скарыны* (Анічэнка & Баркоўскі, 1977–1984).
СРЯ – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1975–2019.
ССМ – *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* (Гринчишин и др., 1977–1978).
ЭСБМ– *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* (Мартынаў, 1978–2017).
ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков* (Трубачев, 1974–2019).
ESJS – *Elektronický slovník jazyka staroslověnského*, n.d.
ESSČ – *Elektronický slovník staré češtiny*, n.d.
SP – *Słownik polszczyzny XVI wieku: Edycja internetowa*, n.d.
SS – *Słownik staropolski* / *Staropolska on-line*, n.d.

Библиография

Алексяевіч, Г. В. (2020). *Чэшская моўная традыцыя ў Беларусі на іншаславянскім фоне: Старабеларускі перыяд* [Unpublished doctoral dissertation]. Інстытут мовазнаўства АН РБ.

Андел, В. П. (1988). Из истории чешских лексических заимствований в восточнославянских языках. In А. Д. Дуличенко, В. М. Мокиенко, С. В. Смирнов, А. Е. Супрун, Н. И. Толстой, & М. А. Шелякин (Eds.), *Славянские литературные языки и историография славяноведения* (*Ученые записки Тартуского университета*) (Vol. 811, pp. 80–89). Тартуский государственный университет.

Берында, П. (1627). *Лексіконъ славенорωсскій альбо Именъ тлъкованіє*. Типография Киево-Печерской Лавры.

Бразгуноў, А. (2006). Перакладная літаратура ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVIII стагоддзях. *Senoji Lietuvos literatūra*, *21*, 171–226.

Булыка, А. М., Жураўскі, А. І., & Свяжынскі, У. М. (1990). *Мова выданняў Францыска Скарыны*. Навука і тэхніка.

Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское. (n.d.). In *Academic.ru*. https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/836781

Владимиров, П. В. (1888). *Доктор Франциск Скорина: Его переводы, печатные издания и язык*. Тип. Императорской академии наук.

Гринчишин, Д. Г., Гумецька, Л. Л., & Керницький, І. М. (Eds.) *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* [ССМ] (Vols. 1–2). (1977–1978). Наукова думка.

Грищенко, А. И. (2021). Песнь песней в переводе Франциска Скорины: Неожиданные текстуальные параллели. In *Берковские чтения – 2021: Книжная культура в контексте международных контактов: Материалы VI Международной научной конференции (Гродно, 26–27 мая 2021 г.)* (pp. 94–98). Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук.

Гудавичюс, Э., & Лазутка, С. (1993). *Привилегия евреям Витаутаса Великого 1388 года*. Еврейский университет.

Жемайты. (n.d.). In *Википедия*. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D1%82%D1%8B

Журавский, А. И. (1979). Важнейшие особенности языка изданий Франциска Скорины. *Knygotyra*, *14*(7), 44–53.

Жураўскі, А. І. (1968). Мова друкаваных выданняў Ф. Скарыны. In К. К. Астраховіч (Кандрат Крапіва), П. Ф. Глебка, Р. В. Канавалаў, М. Р. Суднік, & К. І. Шабуня (Eds.), *450 год беларускага кнігадрукавання* (pp. 277–304). Навука і тэхніка.

Жураўскі, А. І., & Булыка, А. М. (Eds.). *Гістарычны слоўнік беларускай мовы* [ГСБМ] (Vols. 1–37). (1982–2017). Навука і тэхніка.

Иванов, В. В. (2003). Славянские диалекты в соотношении с другими языками ВКЛ. In *Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г.: Доклады российской делегации* (pp. 258–288). Наука.

Ивашина, Н. (2017). Астрологические тексты в старобелорусском сборнике XVI в. In *Текст в языке, речи, культуре: Сборник научных статей* (pp. 76–84). РИВШ.

Ивашина, Н. (2018). Астролого-астрономическая терминология в двух средневековых рукописных сборниках. In Е. Н. Руденко & А. А. Кожинова (Eds.), In *Honorem: Сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна* (pp. 83–94). РИВШ.

Ивашина, Н., & Руденко, Е. (2016). Манускрипт № 091/276к (Виленский сборник) из Национальной библиотеки Беларуси. In *Latopisy Akademii Supraskiej: Dawna cyrylicka księga drukowana: Twórcy i czytelnicy* (pp. 63–73). Fundacja «Oikonomos».

Кожынава, А., & Суркова, А. (in press). *Паміж Slavia Orthodoxa і Slavia Latina: Да пытання аб тэксталагічнай пераемнасці ў Бібліі Францыска Скарыны (на матэрыяле Кнігі Іова, Эклезіяста і Кнігі Даніила)*.

Краўцэвіч, А. (2013). *Гісторыя Вялікага Княства Літоўскага*. Гарадзенская бібліятэка.

Львов, А. С. (1968). Чешско-моравская лексика в памятниках древнерусской письменности. In *Славянское языкознание: VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г.: Доклады советской делегации* (pp. 316–338). Наука.

Мартынаў, В. У., Цыхун, Г. А. (Eds.). *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы* [ЭСБМ] (Vols. 1–14). (1978–2017). Навука і тэхніка.

Мельников, Ю. И. (1967). О чешских лексических элементах в русском языке, заимствованных через посредство польского и других языков (в XIV–XIX вв.). *Slavia*, *36*(1), 98–114.

Руденко, Е. (2019). Восточнославянские латинографичные тексты Великого княжества Литовского. In S. Kempgen & V. S. Tomelleri (Eds.), *Slavic alphabets and identities* (pp. 221–253). University of Bamberg Press.

Руденко, Е. (2020). Ранние грамоты Юго-Западной Руси. In J. Grković-Major, N. B. Korina, S. M. Newerkla, F. B. Poljakov, & S. M. Tolstaja (Eds.), *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte: Festgabe für Anna Kretschmer* (pp. 205–218). Tribun EU.

Рудэнка, А. М. (2018). Раннія ўсходнеславянскія лацінаграфічныя тэксты Вялікага Княства Літоўскага. In А. А. Лукашанец (Ed.), *Мовазнаўства, літаратуразнаўства, фальклярыстыка: XVI Міжнародны з'езд славістаў. Бялград, 19–27 жніўня 2018 г.: Даклады беларускай дэлегацыі* (pp. 162–174). Беларуская навука.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [СРЯ] (Vols. 1–31). (1975–2019). Наука.

Слоўнік мовы Скарыны [СМС] (В. І. Баркоўскі, Ed.; В. У. Анічэнка, Comp.; Vols. 1–2). (1977–1984). Вышэйшая школа.

Сперанский, М. Н. (1908). Аристотелевы врата, или Тайная тайных. In М. Н. Сперанский, *Из истории отреченных книг*. Типография М. А. Алексеева.

Срезневский, И. И. (1893–1912). *Материалы для словаря древнерусского языка* (Vols. 1–3). Типография Императорской академии наук. http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij

Станкевич, Л. И. (n.d.). *Рукописный сборник гадательно-астрологического содержания XVI в. («Аристотелевы врата, или Тайная тайных») из фонда Национальной библиотеки Беларуси*. http://www.knizhkult.narod.ru/Stankevich.htm

Станковска, П. (2016). Русская Библия Франциска Скорины и чешская среда. In *Latopisy Akademii Supraskiej: Dawna cyrylicka księga drukowana: Twórcy i czytelnicy* (pp. 29–35). Fundacja «Oikonomos».

Стоглав: *Текст: Словоуказатель*. (2015). Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив.

«Тайная Тайных», или «Аристотелевы врата». Журнал «Самиздат». http://samlib.ru/r/raba_b_i/apokrif-2.shtml

Темчин, С. Ю. (2021a). Неизвестный перевод чешского Луцидария на руську мову (1563 г.) и его древнейший список конца XVI в. *Senoji Lietuvos literatūra*, *51*, 185–192.

Темчин, С. Ю. (2021b). Новые тексты в списках руськомовного перевода 1636 года чешского Луцидария (*Оломоуц, 1622). *Slavistica Vilnensis*, *66*(2), 28–40. https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(2).69

Темчин, С. Ю. (2021c). Список первой половины XVII в. руськомовного перевода 1563 г. чешского Луцидария: Публикация текста. *Slavistica Vilnensis*, *66*(1), 129–141. https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(1).65

Трубачев, О. Н. (Ed.). (1974–2019). *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд* [ЭССЯ] (Vols. 1–40). Наука.

Турилов, А. А. (2007). Переводы с латинского и западнославянских языков, выполненные украинско-белорусскими книжниками (XV – начало XVI в.). In Б. Н. Флоря, *Исследования по истории Церкви: Древнерусское и славянское средневековье* (pp. 468–479). Православная энциклопедия.

Фасмер, М. (1986–1987). *Этимологический словарь русского языка* (Vols. 1–4). Прогресс.

Шанский, Н. М., Иванов, В. В., & Шанская, Т. В. (1971). *Краткий этимологический словарь русского языка*. Просвещение.

Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Wydawnictwo Literackie.

Elektronický slovník jazyka staroslověnského [ESJS]. (n.d.). Retrieved June 20, 2020, from http://gorazd.org/?q=cs/node/20

Elektronický slovník staré češtiny [ESSČ]. n.d. Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., oddělení vývoje jazyka. Retrieved June 20, 2020, from http://vokabular.ujc.cas.cz

Florovskij, A. V. (1988). *Češskaja Biblija v istorii russkoj kul′tury i pis′mennosti: Praha 1946*. Otto Sagner. (Reprinted from «Чешская Библия в истории русской культуры и письменности (Фр. Скорина и продолжатели его дела)», 1940–1946, *Sborník filologický*, *12*, 153–258).

Jakobson, R. (1938). Význam ruské filologie pro bohemistiku. *Slovo a slovesnost*, *4*(4), 222–239.

Machek, V. (1957). *Etymologický slovník jazyka českého*. Československá Akademie Věd.

Rejzek, J. (2015). *Český etymologický slovník*. Leda.

Słownik polszczyzny XVI wieku: Edycja internetowa [SP]. (n.d.). Instytut Badań Literackich PAN. https://spxvi.edu.pl

Słownik staropolski / Staropolska on-line. [SS]. (n.d.). http://www.staropolska.pl/slownik/info.php

Verkholantsev, Y. (2008). *Ruthenica Bohemica: Ruthenian translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. Lit Verlag.

Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 (A. T. Działyński, Introduction; L. Rogalski, Trans.). (1841). W drukarni na Garbarach.

Bibliography (Transliteration)

Aleksiaevich, H. V. (2020). *Chėshskaia moŭnaia tradytsyia ŭ Belarusi na inshaslavianskim fone: Starabelaruski peryiad* [Unpublished doctoral dissertation]. Instytut movaznaŭstva AN RB.

Andel, V. P. (1988). Iz istorii cheshskikh leksicheskikh zaimstvovaniĭ v vostochnoslavianskikh iazykakh. In A. D. Dulichenko, V. M. Mokienko, S. V. Smirnov, A. E. Suprun, N. I. Tolstoĭ, & M. A. Sheliakin (Eds.), *Slavianskie literaturnye iazyki i istoriografiia slavianovedeniia* (*Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta*) (Vol. 811, pp. 80–89). Tartuskiĭ gosudarstvennyĭ universitet.

Berynda, P. (1627). *Leksikon slavenorωsskïj al'bo Imen tlъkovanïe*. Tipografija Kievo-Pecherskoj Lavry.

Boryś, W. (2005). *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Wydawnictwo Literackie.

Brazhunoŭ, A. (2006). Perakladnaia litaratura ŭ Vialikim kniastve Litoŭskim u XV–XVIII stahoddziakh. *Senoji Lietuvos literatūra*, *21*, 171–226.

Bulyka, A. M., ZHuraŭski, A. I., & Sviazhynski, U. M. (1990). *Mova vydanniaŭ Frantsyska Skaryny*. Navuka i tėkhnika.

Elektronický slovník jazyka staroslověnského [ESJS]. (n.d.). Retrieved June 20, 2020, from http://gorazd.org/?q=cs/node/20

Elektronický slovník staré češtiny [ESSČ]. Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., oddělení vývoje jazyka. Retrieved June 20, 2020, from http://vokabular.ujc.cas.cz

Fasmer, M. (1986–1987). *Ėtimologicheskiĭ slovar′ russkogo iazyka* (Vols. 1–4). Progress.

Florovskij, A. V. (1988). *Češskaja Biblija v istorii russkoj kul′tury i pis′mennosti: Praha 1946*. Otto Sagner. (Reprinted from "Cheshskaia Bibliia v istorii russkoĭ kul′tury i pis′mennosti (Fr. Skorina i prodolzhateli ego dela)", 1940–1946, *Sborník filologický*, *12*, 153–258).

Grishchenko, A. I. (2021). Pesn′ pesneĭ v perevode Frantsiska Skoriny: Neozhidannye tekstual′nye paralleli. In *Berkovskie chteniia – 2021: Knizhnaia kul′tura v kontekste mezhdunarodnykh kontaktov: Materialy VI Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferentsii (Grodno, 26–27 maia 2021 g.)* (pp. 94–98). Federal′noe gosudarstvennoe biudzhetnoe uchrezhdenie nauki Nauchnyĭ i izdatel′skiĭ tsentr "Nauka" Rossiĭskoĭ akademii nauk.

Gudavichius, Ė., & Lazutka, S. (1993). *Privilegiia evreiam Vitautasa Velikogo 1388 goda*. Evreĭskiĭ universitet.

Hrynchyshyn, D. H., Humets′ka, L. L., & Kernyts′kyĭ, I. M. (Eds.). *Slovnyk staroukraïns′koï movy XIV–XV st.* [SSM] (Vols. 1–2). (1977–1978). Naukova dumka.

Ivanov, V. V. (2003). Slavianskie dialekty v sootnoshenii s drugimi iazykami VKL. In *Slavianskoe iazykoznanie: XIII Mezhdunarodnyĭ s″ezd slavistov. Liubliana, 2003 g.: Doklady rossiĭskoĭ delegatsii* (pp. 258–288). Nauka.

Ivashina, N. (2017). Astrologicheskie teksty v starobelorusskom sbornike XVI v. In *Tekst v iazyke, rechi, kul′ture: Sbornik nauchnykh stateĭ* (pp. 76–84). RIVSh.

Ivashina, N. (2018). Astrologo-astronomicheskaia terminologiia v dvukh srednevekovykh rukopisnykh sbornikakh. In E. N. Rudenko & A. A. Kozhinova (Eds.), In *Honorem: Sbornik stateĭ k 90-letiiu A. E. Supruna* (pp. 83–94). RIVSh.

Ivashina, N., & Rudenko, E. (2016). Manuskript № 091/276k (Vilenskiĭ sbornik) iz Natsional′noĭ biblioteki Belarusi. In *Latopisy Akademii Supraskiej: Dawna cyrylicka księga drukowana: Twórcy i czytelnicy* (pp. 63–73). Fundacja "Oikonomos".

Jakobson, R. (1938). Význam ruské filologie pro bohemistiku. *Slovo a slovesnost*, *4*(4), 222–239.

Kozhynava, A., & Surkova, A. (in press). *Pamizh Slavia Orthodoxa i Slavia Latina: Da pytannia ab tėkstalahichnaĭ peraemnastsi ŭ Biblii Frantsyska Skaryny (na matėryiale Knihi Iova, Ėkleziiasta i Knihi Daniila)*.

Kraŭtsėvich, A. (2013). *Historyia Vialikaha Kniastva Litoŭskaha*. Haradzenskaia bibliiatėka.

L′vov, A. S. (1968). Cheshsko-moravskaia leksika v pamiatnikakh drevnerusskoĭ pis′mennosti. In *Slavianskoe iazykoznanie: VI Mezhdunarodnyĭ s″ezd slavistov. Praga, avgust 1968 g.: Doklady sovetskoĭ delegatsii* (pp. 316–338). Nauka.

Machek, V. (1957). *Etymologický slovník jazyka českého*. Československá Akademie Věd.

Martynaŭ, V. U., Cychun, H. A. (Eds.) *Ėtymalahichny sloŭnik belaruskaĭ movy* [ĖSBM] (Vols. 1–14). (1978–2017). Navuka i tėkhnika.

Mel′nikov, IU. I. (1967). O cheshskikh leksicheskikh ėlementakh v russkom iazyke, zaimstvovannykh cherez posredstvo pol′skogo i drugikh iazykov (v XIV–XIX vv.). *Slavia*, *36*(1), 98–114.

Rejzek, J. (2015). *Český etymologický slovník*. Leda.

Rudėnka, A. M. (2018). Ranniia ŭskhodneslavianskiia latsinahrafichnyia tėksty Vialikaha kniastva Litoŭskaha. In A. A. Lukashanets (Ed.), *Movaznaŭstva, litaraturaznaŭstva, fal′klarystyka: XVI Mizhnarodny z′ezd slavistaŭ. Bialhrad, 19–27 zhniŭnia 2018 h.: Daklady belaruskaĭ dėlehatsyi* (pp. 162–174). Belaruskaia navuka.

Rudenko, E. (2019). Vostochnoslavianskie latinografichnye teksty Velikogo kniazhestva Litovskogo. In S. Kempgen & V. S. Tomelleri (Eds.), *Slavic alphabets and identities* (pp. 221–253). University of Bamberg Press.

Rudenko, E. (2020). Rannie gramoty IUgo-Zapadnoĭ Rusi. In J. Grković-Major, N. B. Korina, S. M. Newerkla, F. B. Poljakov, & S. M. Tolstaja (Eds.), *Diachronie – Ethnos – Tradition: Studien zur slawischen Sprachgeschichte: Festgabe für Anna Kretschmer* (pp. 205–218). Tribun EU.

Shanskiĭ, N. M., Ivanov, V. V., & Shanskaia, T. V. (1971). *Kratkiĭ ėtimologicheskiĭ slovar′ russkogo iazyka*. Prosveshchenie.

Slovar′ russkogo iazyka XI–XVII vv. [SRIA] (Vols. 1–31). (1975–2019). Nauka.

Sloŭnik movy Skaryny [SMS] (V. I. Barkoŭski, Ed.; V. U. Anichėnka, Comp.; Vols. 1–2). (1977–1984). Vyshėĭshaia shkola.

Słownik polszczyzny XVI wieku: Edycja internetowa [SP]. (n.d.). Instytut Badań Literackich PAN. https://spxvi.edu.pl

Słownik staropolski / *Staropolska on-line* [SS]. (n.d.). http://www.staropolska.pl/slownik/info.php

Speranskiĭ, M. N. (1908). Aristotelevy vrata, ili Taĭnaia taĭnykh. In M. N. Speranskiĭ, *Iz istorii otrechennykh knig*. Tipografiia M. A. Alekseeva.

Sreznevskiĭ, I. I. (1893–1912). *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka* (Vols. 1–3). Tipografiia Imperatorskoĭ akademii nauk. http://etymolog.ruslang.ru/index.php?act=sreznevskij

Stankevich, L. I. (n.d.). *Rukopisnyĭ sbornik gadatel′no-astrologicheskogo soderzhaniia XVI v. ("Aristotelevy vrata, ili Taĭnaia taĭnykh") iz fonda Natsional′noĭ biblioteki Belarusi*. http://www.knizhkult.narod.ru/Stankevich.htm

Stankovska, P. (2016). Russkaia Bibliia Frantsiska Skoriny i cheshskaia sreda. In *Latopisy Akademii Supraskiej: Dawna cyrylicka księga drukowana: Twórcy i czytelnicy* (pp. 29–35). Fundacja "Oikonomos".

Stoglav: Tekst: Slovoukazatel′. (2015). Institut rossiĭskoĭ istorii RAN; TSentr gumanitarnykh initsiativ.

"Taĭnaia Taĭnykh", ili "Aristotelevy vrata". Zhurnal "Samizdat". http://samlib.ru/r/raba_b_i/apokrif-2.shtml

Temchin, S. IU. (2021a). Neizvestnyĭ perevod cheshskogo Lutsidariia na rus′ku movu (1563 g.) i ego drevneĭshiĭ spisok kontsa XVI v. *Senoji Lietuvos literatūra*, *51*, 185–192.

Temchin, S. IU. (2021b). Novye teksty v spiskakh rus′komovnogo perevoda 1636 goda cheshskogo Lutsidariia (*Olomouts, 1622). *Slavistica Vilnensis*, *66*(2), 28–40. https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(2).69

Temchin, S. IU. (2021c). Spisok pervoĭ poloviny XVII v. rus′komovnogo perevoda 1563 g. cheshskogo Lutsidariia: Publikatsiia teksta. *Slavistica Vilnensis*, *66*(1), 129–141. https://doi.org/10.15388/SlavViln.2021.66(1).65

Trubachev, O. N. (1974–2019). *Ėtimologicheskiĭ slovar′ slavianskikh iazykov: Praslavianskiĭ fond* [ĖSSIA] (Vols. 1–40). Nauka.

Turilov, A. A. (2007). Perevody s latinskogo i zapadnoslavianskikh iazykov, vypolnennye ukrainsko-belorusskimi knizhnikami (XV – nachalo XVI v.). In B. N. Floria, *Issledovaniia po istorii TSerkvi: Drevnerusskoe i slavianskoe srednevekov′e* (pp. 468–479). Pravoslavnaia ėntsiklopediia.

Velikoe Kniazhestvo Litovskoe, Russkoe i Zhamoĭtskoe. (n.d.). In *Academic.ru*. https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/836781

Verkholantsev, Y. (2008). *Ruthenica Bohemica: Ruthenian translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. Lit Verlag.

Vladimirov, P. V. (1888). *Doktor Frantsisk Skorina: Ego perevody, pechatnye izdaniia i iazyk*. Tip. Imperatorskoĭ akademii nauk.

Zbiór praw litewskich od roku 1389 do roku 1529, tudzież rozprawy sejmowe o tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 (A. T. Działyński, Introduction.; L. Rogalski, Trans.). (1841). Poznań: W drukarni na Garbarach.

Zhemaĭty. (n.d.). In *VikipediIA*. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%96%D0%B5%D0%BC%D0%B0%D0%B9%D1%82%D1%8B

ZHuraŭski, A. I. (1968). Mova drukavanykh vydanniaŭ F. Skaryny. In K. K. Astrakhovich (Kandrat Krapiva), P. F. Hlebka, R. V. Kanavalaŭ, M. P. Sudnik, & K. I. Shabunia (Eds.), *450 hod belaruskaha knihadrukavannia* (pp. 277–304). Navuka i tėkhnika.

ZHuraŭski, A. I., & Bulyka, A. M. (Eds.). *Histarychny sloŭnik belaruskaĭ movy* [HSBM] (Vols. 1–37). (1982–2017). Navuka i tėkhnika.

Zhuravskiĭ, A. I. (1979). Vazhneĭshie osobennosti iazyka izdaniĭ Frantsiska Skoriny. *Knygotyra*, *14*(7), 44–53.

The Ways of Penetration of Lexical Bohemisms into the Russian Language from the Fourteenth to the Seventeenth Century

Summary

This article is devoted to Bohemisms which came into the Russian language between the fourteenth and seventeenth centuries. The influence of Old Czech on Russian was indirect: it was mediated by *prosta mova*, the East Slavic written language of the Grand Duchy of Lithuania. From the earliest period, the main source of Bohemisms was translated literature. In most cases, their way into Russian was as follows: classical (Western European) language → Old Czech → Old Polish → *prosta mova* → 14th–17th-century Russian.

Sposoby przenikania bohemizmów leksykalnych do języka rosyjskiego od XIV do XVII wieku

Streszczenie

W artykule omówiono bohemizmy, które weszły do języka rosyjskiego w XIV–XVII wieku. Wpływ języka staroczeskiego na język rosyjski nie był bezpośredni. Obywał się za pośrednictwem tak zwanej „prostej mowy", czyli wschodniosłowiańskiego języka pisanego Wielkiego Księstwa Litewskiego. Głównym źródłem bohemizmów od najwcześniejszego okresu była literatura tłumaczona. W większości przypadków droga zapożyczeń wyglądała następująco: (zachodnioeuropejski) język klasyczny → staroczeski → staropolski → „prosta mowa" → język rosyjski XIV–XVII wieku.

Keywords: Russian language of the 14th–16th centuries (*starorusskiĭ iazyk*); *prosta mova*; borrowing; Bohemism; intermediary language

Słowa kluczowe: język rosyjski XIV–XVII wieku (*starorusskij jazyk*); „prosta mowa"; zapożyczenie; bohemizm; język pośrednik

Alena Rudenka, Institute of Slavic Studies, Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1165-3299
Correspondence: alena.rudenka@ispan.waw.pl

The preparation of this article was self-financed by the author.

Competing interests: The author has declared that she has no competing interests.

Publication history: Received: 2022-05-19; Accepted: 2022-08-31; Published: 2022-12-31